

Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Третий межвузовский семинар по лингвострановедению 8-9 июня 2005 г. Ч. 1 Языки в аспекте лингвострановедения. Отв. ред. : Л. Г. Веденина. МГИМО-Университет, 2006, 220 с.

А.А. Сигорский

ХИНДИ И РУССКИЙ В ЗЕРКАЛЕ ДРУГ ДРУГА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Три темы, две грамматические – эргативность и эвиденциальность, и одна социолингвистическая – язык в эпоху глобализации или американизации, объединены единым подходом. Иностранный язык не только является источником знаний о той или иной стране и ее народе, но и проливает новый свет на некоторые факты родного языка.

1. *Эргативность.* То, что хинди, а также многие другие индоарийские и некоторые иранские языки являются эргативными (хинди, говоря точнее, аккумулятивно-эргативный язык), факт общепризнанный (об эргативности см. напр. [Сигорский 2000, Sigorskiy, forthcoming]). Эргативность же русского языка, как и ряда других славянских и европейских языков вообще, признается далеко не всеми. Между тем, рассмотрение русского и хинди с точки зрения эргативности позволяет прояснить некоторые моменты в обоих языках. Например, внутренняя форма эргативной конструкции (ЭК) в хинди утрачена в силу ее полной грамматикализации. Русские же ЭК сохраняют семантическую прозрачность. Типологическая общность ЭК в русском и в хинди

позволяет прояснить историю эволюции эргатива в индоевропейских языках.

Классическое определение эргативности таково: субъект переходного глагола оформляется иначе, чем субъект непереходного глагола, субъект же непереходного глагола оформляется так же, как объект переходного глагола. Эргативная конструкция противопоставлена номинативной или аккузативной конструкции. Суть этого противопоставления заключается в разном оформлении субъектов переходного и непереходного глагола. Это самое общее определение. В приложении к конкретным языкам оно нуждается в конкретизации. Так, в хинди, как и во многих других эргативных языках, существует «расщепленная» эргативность, то есть эргативность в оформлении или маркировании субъекта сочетается только с формами совершенного вида (СВ) переходных глаголов. Несовершенный вид (НСВ) переходных и все формы непереходных глаголов – область номинативной конструкции (НК).

Полная грамматикализация ЭК в хинди проявляется в том, что маркирование субъекта ЭК является единственной функцией послелога *ne* – маркера субъекта-подлежащего ЭК. По этой причине изначальную внутреннюю форму ЭК можно реконструировать только с привлечением данных более ранних этапов развития хинди, его диалектов и других индоарийских языков. Такая реконструкция указывает на дативно-направительную семантику послелога *ne*.

Индийская традиционная грамматика обходится без понятия ЭК. Выделяется три вида синтаксических конструкций – субъектная, объектная и нейтральная. В первой глагол-сказуемое согласуется с субъектом, во второй – с объектом (прямым дополнением), если объект не маркирован послелогом *ko* (оппозиция определенности / неопределенности прямого объекта), а в третьей, с маркированным послелогом *ne* прямым дополнением, – ни с чем не согласуется. Первый тип конструкций – это

НК, два других – ЭК. Примеры: 1) Raam ciTThii likhtaa hai / Рам письмо пишет (субъектное согласование, НК); 2) Raam ne ciTThii likhii / Рам письмо написал (немаркированное прямое дополнение, объектное согласование, ЭК); 3) Raam ne ciTThii ko likhaa / Рам письмо написал (маркированное «дативное» прямое дополнение, нейтральная конструкция, ЭК).

Эргативность в русском языке признается далеко не всеми. Как и традиционная индийская грамматика, русская грамматика также обходится без понятий эргативности. Но в менее традиционных, но в настоящее время господствующих в индийской лингвистике грамматических теориях понятие эргативности занимает центральное место. Приложение теории эргативности к обоим языкам дает небезыңтересные результаты. Об эргативности в русском мне известны только работы [Lavine 1999, 2000]; бегло затрагивается этот вопрос в [Левицкий 2001].

К эргативным в русском языке можно отнести некоторые синтаксические конструкции, распространенные 1) в северорусских говорах, 2) в разговорной речи, 3) в административно-концелярском языке.

1) Северорусские говоры: а) с переходными глаголами: *На кухне нельзя ни на минутку оставить ничего: у кошки уже стащена рыба* (т.е. «кошка стащила рыбу»); *Я по пути зашла бы за хлебом, да у меня денег было мало взято*; б) с непереходными глаголами: *Тут у трактора пройдено; У автомобиля идено; У них уехано в город; У волков здесь хождено* ([Маслов 1984: 239-242]; подробнее в [Кузьмина, Немченко 1971, 16-222]).

2) Разговорная речь: *У меня в комнате убрано; У него прочитана уже вся литература* [Маслов: 242]; *У Вани еще не все зачеты сданы; У нее еще обед не приготовлен*. Примеры другого типа из [Левицкий 2001, 123-124]: *Им есть написана книга «Божественная комедия»; Нами был проведен эксперимент. Автором представлена обширная*

библиография. А какие нами сделаны выводы? Дипломатом проделана очень большая работа.

3) Административно-канцелярский, журналистский язык: *Мной был подписан указ; Нами было принято решение; Депутатом поставлен вопрос. Нами проводится расследование. Нами прорабатываются разные версии. Боевиками совершено нападение на блокпост.*

Традиционно предложения первого типа (с субъектной группой «у + род. п.») считаются безличными, а предложения второго типа, с творительным субъекта – пассивами. Но неноминативные субъекты в данных случаях обладают подлежащими свойствами, в частности, неизменно занимают начальную позицию, а сами предложения носят не пассивный, а активный характер. Таким образом, можно выделить два вида субъектов ЭК (эргативных подлежащих): посессивный субъект «у + род. п.» и инструментально-аблативный субъект (творительный падеж). В ЭК первого, посессивного типа событие представлено в виде ситуации обладания: субъект является обладателем совершенного им действия и его результата. В ЭК второго, инструментально-аблативного типа субъект представлен как источник совершаемого им действия.

Но этими двумя типами многообразие ЭК в русском языке явно не ограничивается. Вот еще примеры: *Вы здесь не стояли* (НК) – *Вас здесь не стояло* (ЭК); *Ты здесь не был* – *тебя здесь не было*; *книги здесь не лежали* – *книг здесь не лежало*. В эргативных вариантах представлен генитивный субъект или родительный субъекта. Похоже, что в данном типе ЭК возможны только непереходные глаголы. (Идея об эргативности предложений с отрицанием выдвигается в [Błaszczak 2003], но проводимая автором аналогия с хинди не вполне корректна).

В хинди ЭК занимают центральную позицию, в русском – это периферия. Если в хинди имеет место полная грамматикализация и утрата внутренней формы, в русском грамматикализация неполная и

прозрачность внутренней формы сохраняется. ЭК в хинди – литературная норма, в русском – область разговорной речи, чем и объясняется многообразие и неунифицированность ЭК в отличие от хинди. Но в хинди унифицированность ЭК – черта только литературного языка, в диалектах и говорах ЭК отличаются большим разнообразием. Сравнение с русским языком позволяет говорить о как формальной, так и семантической близости ЭК в обоих языках, но различий наблюдается не меньше.

В русском, в отличие от хинди с расщепленной эргативностью, эргативность полная, охватывает как переходные, так и непереходные глаголы, времена как СВ, так и НСВ. Так, в предложении с плюсквамперфектом *У меня денег было не взято* ЭК будет и в хинди, зато в предложении в будущем времени *У меня денег будет не взято* ЭК только в русском, в хинди же конструкция номинативная, можно сказать только «я возьму деньги»). В хинди ЭК обязательна. В русском у говорящего есть выбор – употребить НК либо ЭК. Но эта альтернативность часто мнимая, так как в разных подъязыках – говорах, социолектах, разговорной и литературной речи отдается предпочтение либо той, либо другой конструкции.

Обычно оппозиция НК/ЭК в индоевропейских языках связывается с наличием в них глаголов «иметь» и «быть» - концепт «я имею что-либо сделанным» и концепт «у меня есть что-то сделанное».

В заключение этого раздела следует уточнить определение ЭК. ЭК требует субъекта-подлежащего в косвенном падеже, не в номинативе, то есть неноминативного подлежащего, это может быть и сочетание предлога / послелога с той или иной падежной формой; глагол только активный, если пассивный – это уже не эргатив. Согласование с прямым дополнением ни в хинди, ни в русском не является обязательным признаком ЭК, то есть согласования может и не быть. Общим в хинди и русском языках является то, что сказуемое в ЭК представлено

причастиями, а не личными формами глагола. Это подтверждает гипотезу о возникновении ЭК вследствие распада системы старых личных глагольных форм и становление новых форм, на базе причастий [Бенвенист 1974: 192-208; Эдельман 2002а, 2002б].

Обычно оппозиция НК/ЭК в индоевропейских языках связывается с наличием в них глаголов «иметь» и «быть» - концепт «я имею что-либо сделанным» и концепт «у меня есть что-то сделанное». Так что в обоих языках существуют две главные предпосылки ЭК: причастия в функции личных форм, отсутствие (в хинди) или недоразвитость (в русском) глагола «иметь» Однако происходят ли ЭК в обоих языках из одного, общеиндоевропейского источника или здесь имеет место типологическое схождение, эволюция по одному и тому же сценарию, пока не ясно .

2. *Грамматикализация глагольных форм от глаголов говорения, вводящих прямую речь.* В хинди в этой функции употребляются деепричастия от глаголов со значением «говорить», «сказать», «понимать», «считать», а также «делать» (см. [Сигорский 2005]). В русском древние глаголы говорения превратились в частицы: *де, дескать, мол* [Виноградов 1974: 573-574; Лопатин 1979: 430-431], которые в современном языке воспринимаются скорее как архаичные, а вместо них употребляются личные формы глаголов «сказать» и «говорить», в том числе стяженная, застывшая форма «грит» [Голубева 2002: 184-189]. В обоих языках это – средства выражения эвиденциальности, передачи значений неочевидности, недостоверности, сомнительности содержания чужой речи, но в хинди помимо эвиденциальности эти конструкции выражают и другие значения, например, причинности.

В индоарийских языках данное явление описывается в плане ареальной лингвистики, как один из параметров Южноазиатского языкового (лингвистического) ареала или языкового союза и рассматривается как результат воздействия соседних дравидских языков на

индоарийские. Это бенгали [Singh 1980], орья [Patnaik 2004], маратхи и дакхини (южный хинди) [Шаматов 1974: 239; Kachru 1986]. Грамматически это явление описывается как один из двух способов подчинительной связи, вводящих прямую речь. Первый способ – союз *ki* и относительное местоимение *jo*, аналоги русского «что». Эти средства подчинения открывают придаточное предложение. Придаточные, вводимые союзом *ki*, следуют за главным или вставляются внутрь него, а придаточные с относительным местоимением *jo* могут предшествовать главному, следовать за ним или разрывать главное предложение.

Второй способ – деепричастие от глагола говорения, которое закрывает придаточное предложение, занимая в нем последнюю, послеглагольную, замыкающую позицию. Такое придаточное всегда стоит перед главным, поскольку деепричастие всегда занимает в хинди позицию перед финитным глаголом (не обязательно контактную). Это объясняется базовым порядком слов SOV, при котором финитный глагол занимает последнюю, крайне правую позицию [Носк 2005].

Хинди: *unhiN aaj aao bol-ke bol-e the* / Они сегодня приходи *сказав* сказали / Они *сказали*, приходи сегодня [Singh 1980: 192 со ссылкой на Я. Качру]. Русский: Я, *говорит*, пошла на базар. Я пошла на базар, *говорит*. *Сказала*, пойду на базар, а денег не взяла. Пойду на базар, *сказала*, а денег, не взяла. В хинди это будет примерно так: Пойду на базар, *сказав*, пошла, а денег не взяла.

Деепричастия-союзы употребляются не только в южном хинди, но и в литературном хинди и в его диалектах. Правда, в дакхини, под влиянием соседних дравидских языков телугу и каннада, эти обороты приобрели черты, несвойственные «северному» хинди. Но факты грамматикализации глаголов говорения в русском заставляют предположить, что эту особенность дакхини нельзя объяснить только влиянием дравидских

языков. Скорее всего, это – индоевропейская модель, в условиях контактов с дравидскими языками получившее наибольшее развитие.

3. *Лингвоглобализация.* Среди лингвистических продуктов глобализации в Индии главными являются Indian English (Indlish) и Hinglish, в России – «Руслиш» или «Русглиш». Индийский английский, претерпевая процесс нативизации, приобретая свои отличительные особенности, претендует на равный статус с британским и американским английским [Annamalaya 2004; Baldrige 1996, 2002; Kachru Braj 1997].

Более подробно я остановлюсь на хинглише – полухинди, полуанглийском языке, получившем в последнее время большое распространение в Индии наряду со своими близнецами бенглишем (бенгали + английский), панглишем (панджаби + английский), тамлишем (тамили + английский) и т.д. Все эти индийские «-глиши» в свою очередь выстраиваются в ряд с своими многочисленными собратьями-новоязами, возникающими повсеместно в мире, в том числе и в России. Названия «руслиш» и «хинглиш» звучат похоже, но между ними гораздо больше различий, чем сходства.

По тем образцам текстов на хинглише, которыми я располагаю, хинглиш следует отнести к смешанным языкам (о смешанных языках [Вахтин, Головкин 2004: 140-159, определение стр. 150]). Он возник в среде англоговорящих индийцев, для которых и хинди, и английский в равной мере являются родными, либо которые обнаруживают хорошие знания обоих языков, то есть это – язык билингвов. К ним относятся не только жители Индии, но и представители индийской диаспоры, разбросанной по всему миру. Считается, что хинглиш – язык среднего класса, а значит, и средство его самоидентификации. Хинглиш обладает широкими функциями. В первую очередь это язык общения, на хинглише начинает появляться художественная литература, начинают сниматься фильмы, он широко представлен в СМИ и в Интернете. Грамматика и лексика

сохраняют все богатство, присущее двум языкам-родителям. Однако более конкретно о языковом механизме хинглиша говорить пока что затруднительно из-за скудости имеющегося материала. Совмещение хинди и английского в речи одного индивида облегчается типологической близостью обоих языков (при отдаленном генетическом родстве). Хинди играет роль субстрата (грамматика в основном хинди, в первую очередь, глаголы, а это значит, что и аргументно-предикатная структура предложения определяется механизмами хинди, например, базовый порядок слов SOV), английский – суперстрата (значительная часть лексики английская). Однако возможны и обратные случаи – английский субстрат, хинди суперстрат).

Но безоговорочно причислять хинглиш к смешанным языкам было бы неправильно, поскольку понятие «хинглиш» включает в себя и разные пиджины, упрощенные формы речи людей, ограниченно владеющих английским языком, а зачастую и хинди. Хинглиш – скорее конгломерат разнообразных языковых образований, на что указывает и численность носителей хинглиша (как второго языка) – 350 млн. (по словам Дэвида Крисла, цит. по [Dhillon 2004]). Примеры (английские слова выделяются курсивом):

(1) Sardarji at a car garage -

Sardarji – “O’ji *battery change* karna hai”

Mechanic- “*EXIDE* lagaa dun?”

Sardarji- “Kyon, doosraa *side* tera baap lagayegaa?”

Сардар в гараже -

Сардар: Уважаемый! Аккумулятор надо заменить.

Механик: ЭКСАЙД (эк – хинди – один, сайд – *англ.* сторона, т.е. возможно восприятие «с одной стороны») поставить?

Сардар: А с другой стороны твой папа ставить будет?

Примечание: синтагма *battery change karna* состоит из двух компонентов – прямого дополнения *battery* и сложного глагола *change karna* (имя *change* + глагольный компонент «делать»).

(2) *Namari demand: computer ko public friendly banao!* Наше требование (мы требуем) сделать компьютер ближе к людям! (заголовок статьи [Thomas 2005] в индийской газете *The Economic Times*). Речь идет о разработке «хиндифицированной» версии *Windows* и *Linux*, и заголовок на хинглише в газете на хорошем английском языке – стилизация.

Провести границу между индийским английским, хинглишем и хинди трудно, скорее, это – континуум, постепенный переход от одного полюса к другому, от английского к хинди и наоборот. Так, часто путают и названия – хинглиш называют индlichem. Можно ли хинглиш назвать языком (как это делают в индийских, британских и американских СМИ), вопрос спорный, пока что это – скорее – одна из форм существования хинди.

Хинглиш возник на основе хинди как следствие широкого проникновения в него английской лексики, то есть его англинизации, а также массового распространения английского языка в Индии. В хинглише пересеклись две тенденции: 1) тенденция дальнейшей экспансии английского языка, и 2) тенденция нативизации или индианизации английского языка.

Смещение языков – явление в Индии не новое. Можно отметить употребление среднеиндийских языков – пракритов в санскритских драмах (на пракритах говорят некоторые персонажи в зависимости от своего социального статуса). Это отражает языковую ситуацию, реальное многоязычие в Древней Индии [Елизаренкова 2004: 30]. Литература на старом хинди (X-XVII вв., в основном это - поэзия) также широко использует разные языки в одном и том же тексте. Обычно исследователи указывают, что какая-то строфа написана на одном языке, другая – на

другом, третья – на третьем (все они близкородственные – хинди, брадж, авадхи, панджаби, гуджарати и др.), но как смешанный язык классической поэзии хинди не рассматривается, хотя такой взгляд мог бы представить это загадочное явление по-другому. Черты смешанного языка демонстрирует и урду – грамматика общая с хинди, а лексика – арабо-персидская (мусульманская). В Индии изначально, на протяжении всей ее истории существовала ситуация даже не диглоссии и билингвизма, а многоязычия (полиязычия), когда индивиды являются носителями нескольких языков, которыми они владеют в равной степени.

Возникновение и развитие языка урду, как мне представляется, - наиболее близкая параллель хинглишу (возникновение урду и зарождение хинглиша отделяет тысячелетие). Урду отпочковался от хинди посредством перехода на арабскую графику и заимствованием лексики, а также элементов грамматики, из персидского и арабского языков, например, персидской изафетной конструкции или арабского множественного числа. Причем главным следует считать переход на другую графику, так как арабо-персидская лексика и элементы грамматики широко заимствовались и хинди. Санскритизация хинди и освобождение от арабо-персидских заимствований происходила уже в постколониальный период. Хинглиш использует латинскую графику в отличие от хинди, который использует алфавит деванагари. Причем использование латиницы, во-первых, не нормировано, а во-вторых, не отражает исконную орфографию – не делает различий между краткими и долгими гласными, между дентальными и церебральными согласными и т.д.

Если сравнить хинглиш с тем, что называют руслишем или русглишем, то можно обнаружить, что это – принципиально разные вещи. Под руслишем понимают пиджин, возникший и стремительно развивающийся благодаря расширению сферы употребления английского

языка в России [Сафонова 2000], [Войскунский 2001]. В первой работе речь идет об устной речи и о языке преподавателей английского языка, во второй – о русско-английском пиджине Интернета (Рунета). В отличие от хинглиша в русском пиджине «руслиш» английский присутствует в упрощенном варианте, сфера употребления – узко-специальная (торговля, Интернет). Еще один вариант руслиша – American Russian (язык эмигрантов из СССР и России) описан в [Polinsky 1998]. Примеры:

Ну дал он ей «*лифт*», или, по-нашему, подкинул. (Московский комсомолец, № 17, 20.04.2000, цит. по [Сафонова 2000]. Здесь и ниже английские слова выделены курсивом);

Моя мама *goes mad*, если я *stay over* с *Sharon*, мой отец он *goes mad*, если мои друзья у меня дома (American English, [Polinsky 1998: 116]).

Правда, эти примеры можно трактовать по-другому (также как и вышеприведенные примеры хинглиша). В первом примере перед нами окказиональное лексическое заимствование, не закрепившееся в русском языке, на что указывает перевод на русский. Во втором имеет место интерференция двух языков в речи билингвов на лексическом и синтаксическом уровнях. Трудности разграничения смешанных языков и лексических заимствований отмечаются и в [Щерба 1974; Kortland 2002].

Для сравнения приведем примеры русско-норвежского и русско-китайского пиджинов:

Русско-норвежский (руссенорск):

Помор: Как спрек? Моя нет форшто. (*Что говоришь? Не понимаю.*)

Норвежец: Этта дорогли, грота дорогли, рюсьман, прощай. (*Это дорого, очень дорого, русский, прощай.*) [Русинов 1997].

Русско-китайский пиджин: Какой гаду-ла а низнэй, исе укалаинза сюда пришла ... Укалаинза вотка нивыпи. Эта симейны исе иво, только дзяня палучила – магазина, какой мадияла еси – исе купи «В каком году, не помню, сюда приехали украинцы. Украинцы водку не пьют. Они

семейные, только деньги получили – в магазин, какой материал (ткань) есть – весь раскупят» [Перехвальская 2003: 201].

В русско-норвежском пиджине представлены как русский, так и норвежский языки, в русско-китайском китайского языка вообще нет. (Примеры этих пиджинов приводятся также в [Вахтин, Головкин 2004: 141-143], руссенорска в [Kortland 2002]).

В хинди лингвистическая глобализация, то есть экспансия английского языка продвинулась гораздо дальше, чем в русском. В силу этого ситуация с хинди обладает прогностической силой в отношении русского языка. Конечно, языковая ситуация в Индии принципиально отличается от языковой ситуации в России. Английский язык в Индии – наследие колониализма. Он присутствует в Индии уже с XVII в., с появлением в Индии Ост-Индской компании. В современной Индии английский язык уже давно перестал быть иностранным языком и стал фактором внутрilingвистической ситуации и самой жизни.

Выявляются еще две разнонаправленные тенденции, уже в развитии английского языка: 1) развитие глобальных СМИ, в том числе Интернета, что работает на сохранение единства глобального английского языка, 2) возникновение и развитие все большего числа английских языков, в первую очередь в бывших британских колониях, во вторую очередь – в странах, никогда не бывших колониями Великобритании. Вторая тенденция работает на раздробление и распад единого английского языка.

Я попытался показать, что изучение и преподавание иностранных языков – не только постижение другого языка, это взаимодействие родного и иностранного языка. Другой язык представляет в новом свете и свой родной язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. 1974. *Общая лингвистика*. М.
2. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. 2004. *Социолингвистика и социология языка*. СПб.
3. Виноградов В.В. 1972. *Русский язык*. М.
4. Войскунский А.Е. 2001. Развитие речевого общения как результат применения Интернета. *Конференция на портале «Аудиториум»*. «Социальные и психологические последствия применения информационных технологий (01.02.2001 – 01.05.2001)». Секция 2. Коммуникация в Интернете и проблемы языкового развития общества. <http://psynet.carfax.ru/texts/voysk6.htm>
5. Голубева Н.Л. 2002. К описанию диалектного синтаксиса. *Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII)*. М.
6. Елизаренкова Т.Я. 2004. *Санскрит. Языки мира. Индоарийские языки древнего и среднего периодов*. М.
7. Лопатин Л.В. 1979. В кн.: *Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение*. М.: Наука (раздел «Способы передачи чужой речи в рамках сложного предложения», 422-447). <http://www.spbumag.nw.ru/>
8. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. 1971. *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. М.
9. Левицкий Ю.А. 2001. *Основы теории синтаксиса*. Пермь.
10. Маслов Ю.С. 1984. *Очерки по аспектологии* Л.
11. Перехвальская Е. В. 2003. Выражение числа в русско-китайском пиджине. *Лингвистика. История лингвистики. Социолингвистика*. СПб.
12. Русинов А. 1997. Do You speak moja-ro-tvoja? *Санкт-Петербургский университет*, 1. <http://www.spbumag.nw.ru/>
13. Сафонова О.Е. 2000. Английский лингвистический компонент в языковой ситуации современной России. *Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда*. Воронеж, 68-77.
14. Сигорский А.А. 2000. Эргативная конструкция и категория вида в языке хинди, *Филологические науки*, 2 [17], М., МГИМО(У), 75-86.
15. Сигорский А.А. 2005. Деепричастие в языке хинди. *Филологические науки в МГИМО*, 21 (в печати).
16. Шаматов А.Н. 1974. *Классический дакхини (Южный хиндустани XVII в.)*. М.
17. Щерба Л.В. О понятии смешения языков. В кн.: Щерба Л.В. *Языковая система и языковая деятельность*. Л., 1974, 60-74.
18. Эдельман Д.И. 2002а. К происхождению иранско-славянских диахронических параллелей. В кн.: *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. М.
19. Эдельман Д.И. 2002б. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. М.
20. Baldrige J. 1996. *Reconciling Linguistic Diversity: The History and the Future of Language Policy in India*. University of Toledo Honors Thesis, Toledo. <http://www.ling.u-penn.edu/~jason2/papers/natlang.htm>
21. Baldrige J. 2002. Linguistic and Social Characteristics of Indian English. *Language in India*, vol. 2. <http://www.languageinindia.com>
22. Blaszczak J. 2003. Polish being “ergative”? The Riddle of “X NOT AT Y”-Constructions. *34th Poznan Linguistic Meeting, 1-3 May 2003*. <http://elex.amu.edu.pl/ifa/plm/2003/abs.blaszczak.htm> http://elex.amu.edu.pl/ifa/plm/2003/plm_2003_all_abs.pdf
23. Dhillon, Amrit. 2004. Hinglish is the pukka way to talk. *The Times*, October 17, 2004. <http://www.timesonline.co.uk.html>
24. Hock, H. H. 2005. The Problem of Time in South Asian Convergence. *Proceedings. Prof. M.V. Emeneau Centenary International Conference on South Asia Linguistics*. Mysore:

- CIIL (Central Institute of Indian Languages). http://www.ciil.org/announcement/MBE_programme/images/papers%20-%20hans.pdf
25. Kachru, Braj B. 1998. English as an Asian Language. *Links and Letters*, 5, 89-108.
  26. Kachru, Yamuna. 1986. The Syntax of Dakkhini: A Study in Language Variation and Language Change. *South Asian Languages: Structure, Convergence and Diglossia*. Delhi, 165-174.
  27. Kortland, F. 2002. On Russenorsk. <http://www.kortland.nl/publications/art197e.pdf>
  28. Lavine, J.E. 1999. Subject Properties and Ergativity in North Russian and Lithuanian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics*, 7, 307-328.
  29. Lavine, J.E. 2000. *Topics in the syntax of nonagreeing predicates in Slavic*. A dissertation presented to the faculty of Princeton University to candidacy for the degree of Doctor of Philosophy. <http://www.facstaff.bucknell.edu/jlavine>
  30. Patnaik B.N. 2004. Observations on Oriya as a Typologically Disturbed Language. *International Journal of Dravidian Linguistics*, 33, 2, 7-16.
  31. Polinsky, M.S. 1998. American Russian: A New Pidgin. *Московский лингвистический журнал*, 4, 78-138.
  32. Shiffman, H.F. 2003. Bilingualism in South Asia: Friend or Foe? Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism, Temple: Arisona State University. <http://www.ccat.sas.upenn.edu/~haroldfs/public/finalisimo.pdf>
  33. Sigorskiy, A.A. *Case, Split Nominativity, Split Ergativity, Split Accusativity: A Historical Perspective* (forthcoming).
  34. Singh, U.N. 1980. *Bole*: An unresolved problem in Bengali Syntax. *Indian Linguistics*, 41, 1, 188-195.
  35. Thomas, Philip. 2005. Hamari demand: computer ko public friendly banao! *The Economic Times*, July 18, 2005.